

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

**Подѣмныя деньги... матерялы... некоторыхъ ресунковъ...
испровлѣніе... двести... розходовъ... куплено... солѣй...
всѣго... выставки... во дворце...**

Эти двѣнадцать словъ взяты изъ четырнадцати приводимыхъ ниже строкъ, принадлежащихъ перу бывшаго фотograфа при экспедиціи въ Китай, А. Э. Боярскаго, за подписью котораго 28 ноября, въ № 329 газеты „Голосъ“ было напечатано письмо подъ заглавіемъ „Экспедиція въ Китай“, написанное будто-бы имъ, будто-бы 13 ноября въ Ростовѣ-на-Дону, по поводу моей книги „Путешествіе по Китаю“ и недовольное ею во всѣхъ отношеніяхъ.

„Научнаго же интереса,“ — говорится между прочимъ въ названномъ письмѣ, — въ „смыслъ бытовомъ, географическомъ или историческомъ книга г. Пясецкаго представляетъ, къ сожалѣнію, очень и очень мало...“

Въ № 30 той же газеты „Голосъ“ на эти слова напечатанъ слѣдующій отвѣтъ: П. Я. Пясецкому за его сочиненіе „Путешествіе по Китаю“ присуждена *большая золотая медаль.*

Въ письмѣ говорится далѣе, что *„книгу его (т.-е. мою) нельзя иначе назвать какъ пародіей на истину...“* Я могъ и хотѣлъ сказать, что это — неправда; но моего отвѣта редація почтенной газеты напечатать не пожелала, и тѣмъ самымъ вынудила меня прибѣгнуть къ изданію настоящей брошюры, какъ единственному средству сказать слово въ защиту своего труда и своей чести отъ несправедливыхъ упрековъ, дѣлаемыхъ книгѣ, и столь же мало заслуженныхъ оскорбленій, наносимыхъ мнѣ, какъ автору, въ отмщеніе за ея напечатаніе... Мой тогдашній отвѣтъ, составленный въ видѣ газетной статьи, превратился въ настоящую брошюру.

Старикъ Пивагоръ сказалъ:

„Съ несправедливой родиной поступай, какъ съ ма-
чихой:—храни молчаніе...“ Но такъ какъ я считалъ и счи-
таю свою родину справедливою,—по крайней-мѣрѣ таково
мое желаніе,—то я, вернувшись изъ путешествія въ Китай
отнюдь не находилъ нужнымъ хранить молчаніе, а на-
печаталъ въ двухъ томахъ подробный разсказъ о томъ,
что мы видѣли, сдѣлали и какъ все дѣлали. А такъ какъ
мы все совершали въ нашемъ несчастномъ путешествіи не
такъ, какъ должно, и экспедиція обязана этимъ исклю-
чительно ея бывшему начальнику, тогда капитану, а теперь
полковнику, г. Сосновскому, то понятно, что книга моя
должна была произвести на него тѣмъ болѣе сильное и
тѣмъ худшее впечатлѣніе, чѣмъ правдивѣе она написана,
а слѣдовательно, чѣмъ менѣе возможности оставляетъ ска-
зать что-нибудь въ свое оправданіе. Я же считалъ бы себя
достойнымъ презрѣнія, если бы изъ какихъ-нибудь лич-
ныхъ побужденій, опасеній или трусости, умолчалъ о томъ,
чего не должно быть между людьми, получившими право
на названіе образованныхъ. Но я говорю объ этомъ въ
моей книгѣ не съ цѣлью сдѣлать непріятность назван-
ному лицу, а вслѣдствіе одного завѣтнаго желанія, а
именно: чтобы, вѣроятно, первая въ своемъ родѣ, не уче-
ная и не торговая, а „учено-торговая экспедиція капи-
тана Сосновскаго“, была въ своемъ родѣ и послѣднею..
Вотъ для чего я и написалъ свое „Путешествіе по Китаю“
такъ, какъ оно написано, а не такъ, какъ того требо-
валъ укоренившійся пагубный обычай—все выставять въ
привлекательномъ свѣтѣ, и говорить о почти полной не-
удачѣ, какъ о дѣлѣ, увѣнчанномъ множествомъ блестя-
щихъ и полезныхъ результатовъ.

Настоящую работу я предпринялъ съ другою цѣлью, слѣ-
дующею: чтобы никогда человѣкъ, отдавшій всю душу свою из-
вѣстному дѣлу, самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнив-
шій принятія на себя обязанности и давшій результаты, больше
которыхъ, при данныхъ условіяхъ, требовать—несправедливо,
чтобы такой человѣкъ,—буду ли это я, другой ли кто,—дѣло
не въ этомъ,—никогда не былъ поставленъ въ такое поло-
женіе, чтобы ему приходилось еще увѣрять, что дѣло сдѣ-
лано имъ честно, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья; что все,

что представляется имъ, какъ своя работа, дѣйствительно сдѣлано имъ; что все, что онъ говоритъ въ своемъ описаніи, есть истина, а не ложь и клевета; чтобы подобнаго обвиненія никто и не посмѣлъ сказать печатно, не представивъ ни одного доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ. Эти увѣренія понижаютъ чувство уваженія къ самому себѣ, ослабляютъ энергію его духовныхъ силъ и благородныхъ стремленій, дѣлаютъ менѣе добрымъ сердце и поселяютъ въ немъ чувство общаго недовольства собою и другими:—собою за то, зачѣмъ трудился много, неутомимо и желая трудиться еще больше; другими за то, что они не всегда умѣютъ отличить худое отъ добраго и караютъ именно за то, за что бы слѣдовало только уважать; а это—не путь къ доблести и къ новымъ безкорыстнымъ дѣламъ и стремленіямъ... Надо, чтобы всякій создавалъ что-нибудь свое, хорошее или полезное, а не тратилъ время на убѣжденіе другихъ, что сдѣланное имъ дѣйствительно полезно или хорошо; еще же болѣе надо заботиться о томъ, чтобы написавшему правдивую книгу,—что не особенно-то легко достается, — не приходилось отстаивать ее противъ несерьезныхъ, а богъ-знаетъ какихъ и чьихъ, обвиненій въ извращеніи фактовъ и искаженіи истины, обвиненій, хотя и жалкихъ по существу и забавныхъ по своей нечестности, тѣмъ не менѣе находящихся себѣ мѣсто въ печати. Вотъ этого послѣдняго не должно быть, потому что если печать и есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ узнавать истину и хранить ее, то только тогда, когда она, дѣлая кому упрекъ, изобличая въ какомъ-либо нечестномъ дѣлѣ, или прямо нанося кому нибудь оскорбленія, не лишаетъ лицо возможности сказать слово въ свою защиту. Печать не должна ни въ кого бросать камнемъ изъ за угла или защищать тѣхъ, кто это дѣлаетъ.

А это, какъ объяснено выше, случилось именно со мной: напечатанное въ „Голосѣ“ письмо, подъ заглавіемъ „Экспедиція въ Китай“, обвиняетъ меня въ такихъ неслыханныхъ преступленіяхъ передъ печатью, обществомъ и г. Сосновскимъ, за которыя меня давно слѣдовало бы отдать подъ судъ и очень строго наказать. И это, конечно, и было бы немедленно сдѣлано, если бы обвинители мои хоть на волосъ вѣрили въ свои собственные слова... Что заинтересованнымъ лицамъ хотѣлось оправдаться, и, за невозможно-

стью это сдѣлать, они рѣшились хоть оскорбить меня,— это совершенно естественно, и, если не законно, то обыкновенно; но почему редакция почтенной газеты нашла нужнымъ принять въ этомъ участіе своимъ отказомъ напечатать у себя мое возраженіе,—это для меня непонятно, тѣмъ болѣе, что сама же она въ № 118, назвала мое сочиненіе „въ высшей степени интереснымъ и почтеннымъ трудомъ“; сама же она говоритъ, что „наблюденія сдѣланныя авторомъ, чрезвычайно любопытны, не говоря уже о своеобразномъ впечатлѣніи, производимомъ картинами китайской жизни“.... „Множество ученыхъ, этнографическихъ, промышленныхъ и другихъ замѣтокъ, продолжаетъ она, придають разсказу еще больше значенія; особенно цѣнны его изслѣдованія быта и образа жизни этой оригинальной расы“.... „Любознательность автора, старавшагося уловить все, что встрѣчалось ему на пути достойнаго замѣчанія, доходитъ до того, что онъ занимался въ путешествіи даже китайскимъ языкомъ и сообщаетъ свои наблюденія надъ нимъ. Словомъ, нѣтъ, кажется, такого предмета въ области знаній, которымъ бы остался чуждъ г. Пясецкій во время своихъ странствованій по Китаю“... Вѣдь я этихъ словъ произносить не просилъ и не заставлялъ, да и не могъ; и теперь только благодарю за нихъ.

Я сказалъ, что не считаю родины своей несправедливою; поэтому буду не молчать, а говорить. Да и не всегда можно „молчать во всеуслышаніе“, когда насъ во всеуслышаніе же обвиняють, потому что хотъ и говорить пословица—кто оправдывается, тотъ себя обвиняетъ, но въ то же время говорится и другое: „рѣдко бываетъ, чтобы человѣкъ переносящій спокойно оскорбленіе не заслуживалъ его“. Да кромѣ того, я намѣренъ не оправдывать себя, а обличать другихъ.

Начиная свою рѣчь, считаю необходимымъ теперь же заявить, что отечествомъ своимъ я называю Россію не потому, что „мнѣ въ ней хорошо“, а потому что въ ней я родился, что предки мои, на сколько я ихъ знаю, всѣ люди русскіе (малороссы) православные; слѣдовательно и „*русское* имя“ вообще, и „*имя русской экспедиціи*“, особенно той, въ которой я самъ принадлежалъ, не могутъ быть менѣе дороги мнѣ, чѣмъ Адольфу Эразмовичу Боярскому, подписавшемуся подъ письмомъ въ защиту Юліана Ада-

мовича Сосновскаго. И не напрасны ли старанія объяснить полемическій характер моего „Путешествія по Китаю“, хотя и двусмысленной, но лишенной смысла фразой, будто я „принялъ на себя благородный труд очернить имя русской экспедиціи“, такъ какъ письмо не даетъ больше никакихъ объясненій. Національностью моею, поэтому, ничего тутъ объяснить нельзя, а надо поискать другихъ причинъ, почему я написалъ свою обличительную книгу, почему она производитъ на нѣкоторыхъ „невыносимо тяжелое“ впечатлѣніе, и почему г. Сосновскій самъ не выражаетъ на нее открыто никакихъ неудовольствій... Или въ самомъ дѣлѣ въ Россіи суда нѣтъ, что онъ не требуетъ меня къ отвѣту, если считаетъ меня виновнымъ противъ себя въ клеветѣ!..

Нѣтъ, честь всего русскаго мнѣ такъ дорога, что, безъ малѣйшаго преувеличенія, скажу: какъ мою книгу, такъ и настоящую брошюру, я написалъ именно въ защиту чести русскаго имени. И такъ какъ послѣдняя назначается по преимуществу для тѣхъ изъ читателей, до которыхъ мое „Путешествіе по Китаю“ не доходило и, можетъ быть, никогда не дойдетъ, то я знакомлю ихъ съ его исторіей, характеромъ и содержаніемъ; и имъ станетъ понятно, почему нужно было сказать то, что сказано въ „Письмѣ фотографа Боярскаго“. Я говорю, что это письмо совсѣмъ не написано имъ, а есть возраженіе на мою книгу самого г. Сосновскаго. Я докажу, что книга моя (хоть она и моя), содержитъ очень много интересныхъ, хотя часто, благодаря г. Сосновскому, и не довольно подробныхъ свѣдѣній; что при чтеніи нѣкоторыхъ ея страницъ читатели испытываютъ нервную дрожь отъ возмущенія и негодованія. Я покажу далѣе, что г. Сосновскому—больше того, что сказано въ „Письмѣ“, говорить нечего; что все его письмо въ высшей степени возмутительно, но не содержаніемъ своимъ, а потому что оно все построено на обманѣ, который, онъ думалъ, можетъ остаться не разоблаченнымъ.

Пока, не все ясно; но читайте дальше, и все станетъ для васъ понятнымъ; я все сейчасъ объясню и докажу,—только будьте судьей безпристрастнымъ, потому что „пристрастіе порождаетъ безнаказанность“, а она вредитъ общественному благу. Да пристрастному, кромѣ того, не докажешь, пожалуй, что и дважды два—четыре.

ДВѢ НЕУДАЧНЫХЪ

ЭКСПЕДИЦИИ ВЪ КИТАЙ

Г. СОСНОВСКАГО.

„Приписывать своимъ врагамъ небывавшія вещи и лгать для того, чтобы обезславить ихъ, это значить—хлопотать для ихъ пользы“. La Bruyère.

Снаряженіе экспедицій, и особенно правительственныхъ, въ отдаленныя и мало извѣстныя страны, далеко не можетъ быть отнесено къ разряду событій мелкихъ или обыкновенныхъ, а потому не заслуживающихъ особеннаго вниманія общества. Напротивъ, многосторонняя важность подобныхъ путешествій понималась и понимается всѣми образованными людьми; экспедиціи всегда имѣютъ значеніе, даже независимо отъ задачъ и цѣлей, для какихъ онѣ отправляются, а просто потому, что прохожденіе группы иноземныхъ путешественниковъ черезъ чужую страну есть до нѣкоторой степени историческій моментъ въ жизни двухъ народовъ,—одного, отправляющаго своихъ представителей, и другаго, принимающаго ихъ, и черезъ нихъ знакомящагося со страной, людьми и обычаями, а также желаніями и стремленіями перваго...

Но всѣ ли читатели знаютъ о томъ, что въ 1874 году правительствомъ нашимъ была отправлена въ Китай экспедиція съ извѣстными учеными и практическими задачами, что эта экспедиція въ числѣ трехъ официальныхъ членовъ, Сосновскаго, Матусовскаго и Пясецкаго, проѣхала черезъ Сибирь, на Кяхту, черезъ Монголію, Восточный, Средній и Сѣверо-западный Китай, и вернулась въ Россію въ г. Зайсанъ? Я имѣю основанія думать, что еще до сихъ поръ не всѣмъ это извѣстно, потому что даже въ Петербургѣ, даже до послѣдняго времени, приходится (хотя

уже очень рѣдко) встрѣчать людей, которые ничего объ ней и не слыхивали. Экспедиція же въ Китай — событіе вообще не маловажное, не безынтересное и рѣдкое; по тому же, какія мѣстности азіатскаго материка, въ предѣлахъ Китая, мы посѣтили, эта экспедиція была первою, и не только первою русскою, но и вообще европейскою. Казалось бы, какъ не знать: обыкновенно о подобныхъ путешествіяхъ въ обществѣ знаютъ и говорятъ еще за долго до отправления путешественниковъ, успѣваютъ заинтересоваться и задачами, и самими отправляющимися людьми, высказываютъ свои надежды и критическія замѣчанія относительно большей или меньшей пригодности личнаго состава для выполнения начертанныхъ задачъ и т. п.; но ничего подобнаго не было, когда я собирался уѣзжать изъ Петербурга, въ мартѣ 1874 года, въ названное далекое путешествіе. И меня это тогда же нѣсколько удивляло: отчего это о нашей экспедиціи почти никто не знаетъ, думалось мнѣ; такъ что только съ моихъ словъ, напримѣръ, уже почти наканунѣ отъѣзда, репортеръ одной газеты, случайно встрѣтившись со мною, записалъ о ней краткія свѣдѣнія и напечаталъ всего двадцать, тридцать строкъ. Потомъ же я узналъ, что и это краткое извѣстіе было непріятно начальнику экспедиціи г. Сосновскому, потому что онъ, какъ оказалось, находилъ почему-то нужнымъ дѣлать изъ экспедиціи тайну, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, „пока мы не выѣдемъ этакъ примѣрно за Уралъ“), а что „потомъ могутъ писать о ней кому и что угодно“. Онъ опасался, какъ онъ говорилъ и какъ говорится въ его официальныхъ письмахъ*), чтобы не „возбудить иностранной подозрительности, а потому и просилъ говорить объ экспедиціи не иначе, какъ „конфиденціально“, „безъ огласки“. Тогда я искренно повѣрилъ этой причинѣ, но не понималъ, почему ея не нужно опасаться, какъ только мы переберемся въ Сибирь.... Не понималъ я также, почему правительству было обѣщано, что все путешествіе будетъ окончено въ полгода, какъ и то, что мы совершимъ его на 8450 р., когда предстоялъ такой большой путь.... Но тогда всѣ мои мысли летѣли впередъ, къ интереснѣйшей странѣ, которую мнѣ суждено было уви-

*) Напримѣръ, къ „представителямъ Московскаго Биржеваго Комитета“ и г. Губяину.

дать; я готовился въ будущей дѣятельности, и не въ свое дѣло не вмѣшивался...

Черезъ годъ и девять мѣсяцевъ экспедиція вернулась. И опять,—разговоровъ, печатныхъ сообщеній и разсужденій о ней было ужасно мало, но теперь уже по причинамъ совершенно понятнымъ. Теперь, г. Сосновскій, опасаясь чего-то совсѣмъ другого вмѣсто „иностранной подозрительности“, всѣми мѣрами заботился о томъ, чтобы объ экспедиціи вообще поменьше говорили и „не распускали слуховъ, особенно дурныхъ“; онъ даже письменно запрещалъ это своимъ спутникамъ, и старался о томъ, чтобы общество знало только одно хорошее, и чтобы его одного могло слышать и слушало. Эти мѣры, теперь уже вполнѣ понятной для меня предосторожности, простирались до того, что въ засѣданіи Географическаго Общества, напримѣръ, въ которомъ онъ дѣлалъ докладъ о совершенномъ экспедиціей путешествіи, онъ не рѣшился даже представить Совѣту Общества ни меня, ни г. Матусовскаго, находившихся тутъ же, и даже по его собственному приглашенію; а на наши работы, также доставленные въ засѣданіе Общества не было обращено ничьего вниманія, словно въ нихъ таилось что нибудь для экспедиціи небезопасное.—Понятно, поэтому, отчего черезъ недѣлю въ публикѣ не было о ней и помину; и лишь изрѣдка потомъ появлялись отрывочныя свѣдѣнія то о томъ, то о другомъ изъ ея членовъ... Сравните-ка съ возвращеніемъ экспедицій г. Норденшельда или г. Пржевальскаго! А, вѣдь, наша экспедиція, какъ сказано, была тоже не маловажная.

Потомъ, также отдѣльно и разновременно, были напечатаны краткіе оффиціальныя отчеты,—одни безъ всякихъ общаній, другіе съ общаніями, въ родѣ того, напримѣръ, что „мы разсчитываемъ, со временемъ, отдать весь собранный матеріалъ на судъ публики, а теперь можемъ сказать лишь одно: было святое сознаніе долга, а объ успѣхахъ—судить не намъ“... Такъ было сказано въ отчетѣ г. Сосновскаго. Но публика и самый этотъ отчетъ проглядѣла, потому что онъ былъ напечатанъ въ очень спеціальному журналѣ (Воен. Сборн. 1876. №№ 9, 10, 11), и общаніе г. Сосновскаго такъ общаніемъ и осталось. Словомъ, говорю, экспедиція, вмѣсто нѣкоторыхъ шума, славы и ожив-

ленныхъ разговоровъ, по поводу сообщеній объ интереснѣйшихъ азіатскихъ странахъ, была встрѣчена точно умшенно-холоднымъ равнодушіемъ; и печать какъ-будто вяло относилась къ ея результатамъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ заслуживали большія одобренія и похвалы всѣхъ, кому случайно удавалось ихъ увидать. Такой интересъ и вниманіе возбуждали между прочимъ и тѣ изъ моихъ работъ, которыя были для всякаго занимательны и каждому сразу понятны...

Нельзя не пожалѣть, что у насъ все еще считается иногда чуть не преступленіемъ, когда человѣкъ позволить себѣ самъ сказать другимъ, что онъ сдѣлалъ то-то и то-то, хотя потомъ его же упрекають въ неумѣлости и непрактичности за то, что онъ никому не далъ своевременно знать о сдѣланномъ. А скажи,—пожалуй заговорять о недостаточной скромности, о желаніи „самопрославленія“, какъ-будто въ самопрославленіи подобнаго рода лежитъ источникъ общественной бѣды. Да прославляйтесь и возвышайтесь всѣ, сдѣлайте одолженіе,—сказалъ бы я своимъ соотечественникамъ,—(особенно, когда необходимость заставляетъ) но только за такія дѣла, которыя бы потомъ и всѣ находили хорошими, и не унижали васъ за нихъ, а только почитали бы. Что тутъ можетъ выйти дурного? А солгалъ кто, похваливъ себя не по заслугамъ,—не онъ ли будетъ наказанъ? Не на то ли данъ людямъ смѣхъ, чтобы смѣяться надъ смѣшнымъ? Если же кто владѣетъ тѣмъ, что служить въ пользѣ или удовольствію другихъ, то отчего, позвольте спросить, предосудительно заявить ему объ этомъ самому? Отчего, если другіе нашли, что вы сдѣлали что-нибудь порядочное, самимъ вамъ возбраняется объ этомъ говорить?.. И замѣчательнѣе всего то, что подобный „образъ скромности“ требуется не отъ всѣхъ и не во всѣхъ случаяхъ: таковъ ужъ „обычай“,—этотъ „варваръ межъ людей“. Но, будутъ ли названы слѣдующія мои слова „самопрославленіемъ“, или еще какъ нибудь иначе, дѣлать нечего,—приходится отложить на минуту скромность въ сторону, потому что она въ данномъ случаѣ въ добру не поведетъ... Предоставляя другимъ каждому говорить за себя, я скажу слѣдующія нѣсколько словъ. Никогда не забуду я того неожиданнаго впечатлѣнія, какое произвели мои рисовальныя работы, исполненныя во время путешествія и представлявшія такое собраніе акварелей и

рисунковъ съ натуры, что они едва помѣстились въ громадной Георгіевской Залѣ Зимняго Дворца, въ день обычнаго Высочайшаго смотра военно-топографическихъ и другихъ работъ за истекшій годъ; никогда не забуду общаго изумленія всѣхъ членовъ свиты Государя, отказывавшихся вѣрить, что всѣ рисунки сдѣланы мною однимъ, въ дорогѣ, и въ такое короткое время, какъ всего годъ и три мѣсяца, проведенные въ Китаѣ... Фактъ на лицо и живыхъ свидѣтелей его много... Никогда не забуду также какъ заинтересовала всѣхъ задуманная мною въ дорогѣ и приведенная въ исполненіе панорама, представляющая въ непрерывномъ изображеніи весь путь по пройденной странѣ, не въ видѣ маршрутной карты, понятной лишь для специалистовъ, а въ видѣ одной картины, наглядно показывающей зрителю всѣ главныя черты характера изображенныхъ странъ и почти не требующая объясненій. И эта новая работа, въ видѣ сто-аршинной картины, переходящей съ одного вала на другой, на особо устроенномъ станкѣ, также выставленная въ Зимнемъ Дворцѣ въ день Высочайшаго смотра работъ 76—77 года, удостоилась общаго вниманія и самыхъ лестныхъ похвалъ моимъ идеѣ, дарованію и трудолюбію. И я всему искренно вѣрилъ, потому-что самъ зналъ цѣну своимъ работамъ, что не могъ не знать, какою цѣною пріобрѣтаются эти вниманіе и похвалы, какой напряженной дѣятельности требовали эти „результаты“... Фактъ также на лицо, и объ этой работѣ былъ отчетъ въ „Русск. Инвалидѣ“... Не менѣе пріятное воспоминаніе сохраняется у меня о томъ днѣ, въ который Совѣтъ Академіи Художествъ, осмотрѣвъ мое собраніе дорожныхъ рисунковъ, выставленныхъ для публики, тутъ же единогласно рѣшилъ поднести мнѣ почетное званіе—„въ уваженіе полезной дѣятельности по искусству“, какъ сказано въ дипломѣ.

Но наступилъ военный годъ и все забылось: мыслями и чувствами всѣхъ овладѣли тогда театры военныхъ дѣйствій... И лишь съ окончаніемъ послѣднихъ оставшіеся въ живыхъ вернулись къ прежнимъ занятіямъ и своимъ неоконченнымъ дѣламъ. Я возвратился къ разработкѣ привезеннаго изъ китайскаго путешествія матеріала и торопился привести въ порядокъ свои дорожныя воспоминанія, которыя, два года спустя, и появились въ свѣтъ въ видѣ